

"Суд скорый, правый, милостивый"

Одна из задач судебной реформы 1864 года – сделать суд по мелким делам быстрым и доступным для большинства населения. В данной подборке речь пойдет не о коронном суде и присяжных заседателях, а о волостном суде (самом близком для крестьян) и суде мировом (самом близком к населению всесословном суде).

Приведены отзывы двух авторов. Один – знаток деревни, практичный помещик-хозяин Александр Николаевич Энгельгардт. Другой – Афанасий Афанасьевич Фет: не только поэт, но также и успешный сельский хозяин, десять лет прослуживший мировым судьей.

Сопоставляя эти отзывы, необходимо уяснить преимущества и недостатки каждого из судов. В чём оценки авторов расходятся? Каким образом можно было бы исправить недостатки и сделать близкий к народу суд более действенным?

А.Н. Энгельгардт. Письма из деревни

Письмо второе (начало 1870-х гг.)

<...> Раз осенью иду я на молотьбу, вдруг смотрю – Матов верхом скачет. Матов – мещанин-кулак, все покупающий и продающий, содержатель постоянного двора верстах в шести от меня. Завидев меня, Матов, который было уже проскакал мимо моего дома, остановился и соскочил с лошади.

– Здравствуй, барин.

– Здравствуй, Василий Иванович. Что?

– К тебе, барин. Бычки, говорил ты, продажные есть.

– Есть.

– Пойдем, покажи.

– Пойдем.

Мы пошли на скотный двор. Ну, думаю, не за бычками ты, брат, приехал, потому что если мещанин или мелкий купец приехал за делом, то он никогда не начнет прямо говорить о том деле, за которым приехал. <...> Не за бычками, думаю, приехал Матов; но не показать быка нельзя. Идем на скотный двор. Выгоняют быка. Матов смотрит его, щупает, точно и в самом деле купить хочет. Я прошу за быка пятьдесят рублей; он дает пятнадцать, между тем как одна кожа стоит восемь. Нечего и толковать. Бык ему очевидно не нужен. Возвращаемся домой.

– Продай ты мне, барин, два кулика ячменя.

– Не могу.

– Сделай милость, продай. Свиной подкормить нечем.

– Не могу, самому нужен.

– Ну, прощай.

– Прощай.

Матов отвязывает лошадь и, занося ногу в стремя, обращается ко мне.

– Совсем заморился сегодня.

– Что так? Да откуда ты это едешь, – ишь лошадь как загонял.

– По делу ежжу, вора ищу; у меня третьеводни четыре верха (кожа с салом) украли.

– На кого ж думаешь?

– Мужик тут есть в Бабине, Костиком зовут, – ты его не знаешь. На него думаю. Он у меня третьего дня вечером был, когда кожи пропали, а теперь вот уж две ночи дома не ночует. Пьянствует где-нибудь. Я все кабаки, кажись, объездил, – нет нигде.

– Костик? Знаю, да он сегодня у меня был.

– Костик? В какое время был?

– Да вот недавно был: пороху заходил просить.

– Пороху? Ах, он с... Ну, да теперь он недалеко должен быть – наверно, в дубовском кабаке.

Матов вскочил на лошадь и поскакал в Дубово. «Ну, думаю, этот поймает». Я пошел на молотьбу и рассказал Ивану о встрече с Матовым.

– Это Костик украл.

– Почем ты знаешь?

– Да он сегодня сюда заходил ко мне на ток. Зарядов просил у меня. Я ему говорю, что у нас у самих пороху мало. Пристаёт, продай, говорит, по гривеннику за заряд дам. А я, смеясь, и говорю: «Да ведь у тебя денег нет». «Есть», – говорит. – «Ан ну, покажи». Показывает: действительно – три билетика. «Вот, – говорю рабочим, – поспорь с ним, что у него в кармане денег нет. При всех деньги показал. Наверно, он кожи у Матова украл и уже где-нибудь продал. Откуда у него могут быть деньги!».

– Это костиково дело, – проговорил один из рабочих, – мы с Евменом его вчера рано утром встретили, когда на молотьбу шли. Смотрим, идет Костик и что-то несет за спиной, я еще пощупал, – мягкое что-то. «Что ты это несешь?» – спрашиваем. – «Вещи, – говорит, – нанялся со станции донести в Иваново». А это он кожи, значит, нес – в Слитье продал. Вот откуда у него деньги. Поймает же его теперь Матов, наверно в Дубове пьянствует.

Матов Костика поймал и пожаловался волостному [старшине]. Через несколько времени моего старосту, гуменщика и рабочих вызвали свидетелями в волость. Был суд над Костиком. Костик сначала заперся, но ввиду явных улик сознался, что украл у Матова четыре кожи, из коих две спрятал в лесу, а две продал содержателю постоянного двора. Матов и Костик помирились на том, как мне рассказывали, что Костик должен возратить спрятанные в лесу кожи и заплатить за две другие, им проданные. Костик же заплатил и свидетелям, – кажется, угостил их водкой. <...>

Не правда ли, прелестно? Просто, главное. Практично.

У Матова украли кожи. Он прежде всего раскидывает умом, кто бы мог украсть. Как содержатель кабака и постоянного двора, скупающий по деревням все, что ему подходит, – и семя, и кожи, и пеньку, и очески, – он знает на двадцать верст в округе каждого мужика до тонкости, знает всех воров. Сообразив все обстоятельства дела и заподозрив Костика, он, не говоря никому ни слова, следит за ним и узнает, что Костик пропал из дому. Подозрение превращается в уверенность. «Это он», – говорит Матов и скачет по кабакам разузнать, где проданы кожи и где пьянствует Костик. Попадает случайно на меня, – ехал мимо, случайно увидал, отчего же не спросить, – находит важных свидетелей, которые видели у Костика деньги (а всем известно, что у Костика денег быть не может), которые видели Костика с ношей. Заручившись свидетелями, обещав им, что дела далее волости не поведет, свидетелей по судам таскать не будет, и получив, таким образом, уверенность, что Костика не отвертеться, Матов жалуется в волость. Вызывают в волость Матова, Костика, свидетелей – в волость свидетелям сходить недалеко и от работы их не отрывали, потому что суд был вечером. Свидетели уличают Костика, и тот, видя, что нельзя отвертеться, сознается. Дело кончается примирением, и все довольны. Матов получил обратно кожи, которые Костик не успел продать, наверно вдвое получил за проданные кожи, да еще, пожалуй, стянул что-нибудь с содержателя постоянного двора, который купил у Костика краденые кожи. Свидетелям Костик или заплатил, или поставил водки, а главное, их не таскали по судам, сходить же в волость, да и то вечером или в праздник (волостной ведь тоже мужик, и знает, что в будни днем работать нужно), свидетелям нипочем. Костик доволен, потому что раз воровство открыто, ему выгоднее заплатить за украденное, чем сидеть в остроге. Мы довольны, потому что если бы Костик посидел в остроге, то из мелкого воришки сделался бы крупным вором.

Совсем другое вышло бы, если бы Матов вместо того, чтобы самому разыскивать вора, принес жалобу в полицию, как делают большей частью помещики и в особенности помещицы. Приехал бы становой [пристав], составил бы акт, сделал дознание, тем бы, по всей вероятности, дело и кончилось. Какие же у станового с несколькими сотскими средства открывать подобные воровства? Да если бы у станового было не 24, а 100 часов в сутки, и он бы обладал способностью вовсе не спать, то и тогда ему не было бы возможности раскрывать бесчисленное множество подобных мелких краж. Становому в пору только повинности с помещиков собрать: пишет-пишет, с сотскими наказывает, сам приезжает...

Положим, помещики вызывают станового, обыкновенно ничего не разузнав о краже, и не представляют никаких данных, даже и подозрения основательного высказать не могут; но Матов, казалось бы, разузнав все предварительно и имея свидетелей, мог бы принести жалобу мировому и вообще куда следует. Как бы не так. Матов, как человек практический и сам судов боящийся, очень хорошо знает, что если бы свидетели только знали, что Матов будет судиться с Костиком и таскать их, свидетелей, по судам, так они бы притаились и ничего бы не сказали. В самом деле, представьте себе, что если бы, вследствие жалобы Матова, свидетелей, то есть старосту, гуменщика и работников потребовали куда-нибудь за 30 верст к становому, мировому или на съезд [мировых судей] – благодарили ли бы они Матова? Вы представьте себе положение хозяина: старосту, у которого на руках все хозяйство, гуменщика, без которого не может идти молотба, и рабочих потребуют свидетелями! Все работы должны остановиться, все хозяйство должно остаться без присмотра, да в это время, пока они будут свидетельствовать, не только обмолотить, но просто увезти хлеб с гумна могут. Да и кто станет держать такого старосту или скотника, который не знает мудрого правила: «нашел – молчи, потерял – молчи, увидел – молчи, услышал – молчи», который не умеет молчать, болтает лишнее, вмешивается в чужие дела, которого будут таскать свидетелем к мировому, на мировой съезд или в окружной суд. Вы поймите только, что значит для хозяина, если у него хотя на один день возьмут старосту или скотника. Вы поймите только, что значит, если мужика оторвут от работы в такое время, когда за день нельзя взять и пять рублей¹: поезжай свидетелем и оставь ниву незасеянную вовремя. Да если даже и не рабочее время, – очень приятно отправляться в качестве свидетеля за 25 верст, по 25-градусному морозу, или, идя в город на мировой съезд свидетелем, побираться христовым именем. Прибавьте к этому, что мужик боится суда и все думает, как бы его, свидетеля, храни бог, не засадили в острог или не отпорили. Матов ни за что не открыл бы воровства, если бы свидетели не знали Матова за человека практического, который по судам таскаться не станет. Да и какая польза была бы Матову судиться с Костиком? Посадили бы Костика в острог, – а Матову что? Кожи так бы и пропали. Костик на суде во всем заперся бы и кожи, разумеется, не отдал бы, и кому их продал – не сказал бы. Матов остался бы не при чем, в глазах же крестьян сильно бы потерял, что неблагоприятно отозвалось бы на его торговых делах. Не лучше ли кончить все полубовно, по-божески?

<...> Если бы земские люди были действительно люди, изблюбленные земскими обывателями, если б это действительно были представители лиц, живущих на известных пространствах, если бы это были лица, которые бы знали, для чего их избирают, если бы и избиратели знали, зачем избирают, – тогда другое дело. При теперешнем же устройстве, когда лица разных сословий, живущие в одной волости, ничего общего между собою не имеют, подчинены разным начальствам, разным судам, – ничего путного быть не может. Волостной плох, жмет крестьян, деспотствует над ними – мне что за дело? Да если бы я, по человечеству, и принял сторону крестьян, что же я могу сделать? Еще сам поплачусь – произведут меня в возмутители крестьян и отправят, куда Макар телят не гонял, а крестьян перепорют. Разумеется, в таких случаях, когда идет война между крестьянами и волостным, каждый, и зная, что крестьяне правы, отходит в сторону, да и крестьянам посоветует не горячиться. Мировой посредник плох до крестьян, а мне что? Волостной суд пьянствует и пр. и пр., а мне что? да и что я сделаю? Поп прижимист... но мы не можем переменить попа и т.д. А вот если бы: волость – [земская] единица, волостной старшина, выборный, административное начальство в волости, которому в определенном законном отношении подчинены все живущие в волости, и крестьяне, и помещики, и попы и пр. Свой волостной судья, в волости живущий. Свои выборные попы волостные. Своя внутренняя волостная полиция. Свой волостной совет. Тогда бы скорее мог бы явиться свой волостной доктор, своя волостная школа, своя волостная ссудная касса.

---

¹ То есть, когда крестьянин не согласится заниматься на чужую работу даже за такую высокую плату, как пять рублей в день, потому что срочно надо обрабатывать своё поле.

**А.А. Фет. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство
Из деревни (1871 г.)**

<...> Явилась баба лет 50. «Что вам угодно?» – «Уйми ты его, батюшка, отец родной!» – «Кого?» – «Мужа моего лиходея. Пропил он меня грешную совсем. Тащит все из дому. В прошлую субботу пошла я в чуланчик, глядь – из моего сундука пробой вырван и холсты повынуты. Говорю ему: это ты, разбойник, холсты повытаскал? Я, говорит, а тебе что за дело? – говорит. А у меня, мой батюшко, в одном холсте зашито было 15 рублей. Жизнь свою положила на эти деньги. Недоела, недопила, их припасала на черный день, а он, враг-то, пропил холст и невдомек, что там деньги». – «Куда же он его снес?» – «Да кто ж его знает?» – «Были вы в волости?» – «Была, батюшко! Говорят: отбузуем тебя розгами, коли опять придешь. Все мужнино, и ты сама мужнина». – «Не могу принять вашей жалобы. Это волостное дело». – «Куда ж я теперь пойду?»

В коридоре нас встретил Матвей Матвейч. «Мой рядчик, плотник, хочет обратиться к вам с жалобой. Рабочий из соседнего уезда взял у него 15 рублей задатку, на работу нейдет и все говорит: отдам деньги, а не отдает. Нельзя ли ему помочь?» – «Можно. Он сейчас получит повестки, а завтра вечером разберем».

В мезонине Матвей Матвейч с обычными извинениями указал на предназначенные нам спальни, не нуждавшиеся, по полнейшему комфорту, ни в каких извинениях. Через коридор в большой, еще не штукатуренной комнате любезная хозяйка ожидала нас за самоваром. <...> Не будучи записным архитектором, можно было полюбоваться изяществом плотничьей и столярной работы в комнате. «Ну, батюшка, Матвей Матвейч, честь вам и слава. Такой добросовестной работы нам давно не приходилось видеть, да еще среди степи».

«Ведь хлопотливо! – воскликнул Матвей Матвейч. – Я довольно терпелив, а и мне надоело с нашим народом – это ад».

«Очень рад вашему восклицанию. Оно дает мне повод предложить вопрос, на который жду откровенного ответа. Я знаю, что у вас нынешней весной сожгло грозою конюшни и скотный двор, и что все это в отличном виде выстроено вновь. Скажите, возможно ли было все это исполнить в период, следовавший за крестьянской реформой и предшествовавший новому судопроизводству?»

«Вы хотите, чтобы я в вашем лице сказал комплимент новому суду?» – «Вы шутите, а я говорю серьезно». – «А серьезно тут не может быть сравнения. Теперь трудно, а тогда было невозможно. Мировые судьи нам необходимы, как пугалы на огороде, хотя в степи подчас далеко и трудно до них добраться. Признаюсь, самого меня подчас подмывает дать какому-нибудь сельскому деятелю тумака, но как подумаешь, что дело может дойти до суда, – и положишь гнев на милость. В первое время реформы некоторые хозяева так и нанимали с боем, но теперь юридические понятия распространились, и такими незаконными вставками не пестрят условий».

<...> «На то и суды, чтобы охранять нас», – заметил Матвей Матвейч.

«Бесспорно. Но только общество нередко требует от судей помощи там, где у них руки связаны. Там, где они развязаны, – дела идут гладко. Вспомните потравы. Это были форменные² войны с ночными набегами, засадами и кровавыми отступлениями. Теперь о подобных вещах не слыхать. Прошлым летом мешанин подал жалобу на крупного землевладельца, которого стадо зашло на пар истца и, следовательно, не могло причинить большого убытка. По расчету в повестке значилось, что за мнимую потраву следует с землевладельца 40 рублей. Знаете ли, какой был результат?»

«Очень хорошо знаю, – отвечал Матвей Матвейч. – Тесть мой, потому что дело идет о нем, прислал со старостой письмо, со вложением 40 рублей в пользу истца. Это так. Эта

---

² В тексте – "формальные": по всей видимости, опечатка.

статья в порядке, но вы сказали, что судьи лишены возможности помогать нам, насколько бы желали. Я не догадываюсь, на что вы намекаете?»

«Тут нечего намекать. Стоит только указать на недостаточность солидарности между судом и исполнителями другого ведомства, например: полицией и волостными старшинами. Мы можем их предавать суду за известную каплю неисправности, и суд, после долгой переписки, присудит известную каплю взыскания, невзирая на то, что эти капли падают проливным дождем и в совокупности портят дело. Этого мало. У вас в руках исполнительный лист. Вы являетесь к исполнителю», и тот прямо вам говорит: "Дай 25 рублей – сейчас взыщу, а без этого не поеду". Вы идете к судье. "При ком он это говорил?" – Разумеется, глаз на глаз. – "Не угодно ли возбудить формальное дело?" – Клевета на письме. – "Как вы мне посоветуете поступить? – спрашивают судью. – У меня украли хомуты, выдернув пробой из притолки". – "К следователю". – "Взлом". – "Неподсудно". – "Но ведь следователь придет, пожалуй, через полгода, когда все следы воровства исчезнут. Вы бы тут же на месте и скоро разобрали дело. А то пойдут таскать прислугу в свидетели в уезд – и все-таки кончится ничем. Не можете ли вы разобрать?" – "Не могу". – "Ну так я и заявлять не стану полиции". – "Как вам угодно". Можно еще указать на неудобство другого рода. Вы едете по степи. Над вами произведено насилие. Вы жалуетесь сторонним лицам, свидетелям происшествия, но по обстоятельствам не можете остановиться и ехать к судье. Обстоятельства со всеми уликами доходят до судьи – и он не может ничего сделать, потому что нет обвинителя. Знаете Чижевскую гору, на старой Курской дороге?»

«Как не знать. Около самой дороги земство отдало песочную карьеру рядчику на Елецкую чугунку – и они там, рядом с дорогой, разрыли страшный овраг».

«Про этот-то овраг я и хочу рассказать. Прикащик подрядчика вместо того, чтобы считать свою работу пришельцем на большой дороге, стал считать проезжих пришельцами и между прочим остановил малороссиянина с воловыми подводами под предлогом, что фуры, проезжая по дороге, преградили путь песчаным подводам. Хохол был явно в своем праве. Он ехал по большой дороге, но прикащик требовал с него штраф за минутную приостановку возки, а когда хохол на это не согласился, отнял у него свитку³ и ушел в карьеру. Если б хохол был на лошадях, то, оставя обоз на постоялом дворе, поехал бы к судье за 24 версты, но на воле ехать некуда. Поплакал, поплакал, да и пошел с обозом далее. Все это происшествие было мне известно, но что я мог сделать без обвинителя? В сущности, тут до грабежа один шаг – но не грабеж, а самоуправство. Что касается, – заметил Матвей Матвейч, – до разрозненности судебной власти с исполнительной, то для нашего брата, степняка, это обстоятельство является источником бесчисленных затруднений. Но не надо упускать из виду, что эти затруднения лежат не в законодательстве, а в нашей земской бедности. В городах этих затруднений нет. Закон прямо указывает на вполне зависящего от судебной власти исполнителя, судебного пристава, а мы, по бедности, содержим одного такого пристава при мировом съезде, возлагая его обязанности по уезду на станových за небольшую приплату к их казенному содержанию и на волостных старшин без всякого вознаграждения. Что ж удивительного, что всякое решение, вошедшее в законную силу, попадая в совершенно чуждую сферу полиции, а тем более волостного правления, подвергается, смотря по обстоятельствам, новому процессу осуществления? Сделайте так, как говорит закон. Поставьте всюду ваших судебных приставов, и весь этот ералаш прекратится».

«Вы правы, Матвей Матвейч. Указанное вами средство вполне законно и радикально. Жаль только, что оно связано с двойным неудобством – новыми, значительными расходами для земства и в большинстве случаев несообразным с ценою иска обременением крестьян. Судебный пристав *едет* взыскивать с крестьянина рубль и по тому самому вынужден взыскать с него до четырех рублей вознаграждения в свою пользу.

---

³ Род верхней одежды.

Итого вместо рубля пять. А волостной старшина взыскивает на месте без всякого вознаграждения. Поэтому предоставить мировому суду право наложения на исполнителей штрафа, хотя бы в размерах пяти рублей, едва ли не практичнее. Тем более, что подчинение волостных судов мировым судьям в апелляционном порядке – одна из насущнейших потребностей. Вы знаете, что мировым судьям отбою нет от просителей, недовольных решениями волостных судов. Называя этот суд *лапотным судом*, они прямо говорят: "Вчера сам же он меня ограбил, а сегодня пьяный меня судит". Кроме того, волостные старшины не умеют или не хотят придать делу суда той серьезности, без которой оно идти не может. Сплошь да рядом ответчики и обвиняемые по несколько раз кряду не являются по вызову суда, а несчастный истец или обвинитель и в полгода не добьется разбирательства. Даже у добросовестных, но безграмотных старшин всем ворочают волостные писаря, нравственный уровень которых, за немногими исключениями, едва ли не самый низкий во всей волости».

«Со всем этим, – сказал Матвей Матвейч, – нельзя не согласиться. Я согласен, что подсудность незначительных краж со взломом мировым учреждениям избавила бы нас, пустынножителей, от многих затруднений и значительно уменьшила бы самое воровство, но на возбуждение преследования за самоуправство помимо обвинителя я не согласен. Видно, вашему хохлу не довольно тошно пришлось, коли он не поехал жаловаться. Положим, подобные случаи не редкость, но преследование обид, помимо обвинителя, мне кажется, повело бы к большим недоразумениям, как, например: к невозможности окончить дело примирением».

«Вы правы, Матвей Матвейч. Такого рода преследование могло бы быть допущено как исключение при несомненных данных. Но зато, с вашей точки зрения на дело, обидчик поступит наиболее благоразумно, лишив обиженного, без членовредительства, способности явиться на суд».

Фет А.А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М., 2001.
С. 330–336.